

Благодарности

Я очень благодарна всем тем, кто оказал особую поддержку этому проекту. Моя замечательная заведующая кафедрой, доктор Уинди Каунсел Петри, около трёх лет назад предложила мне написать эссе на тему «интеграции веры» объёмом около пятнадцати страниц. В итоге это эссе превратилось в статью длиной шестьдесят восемь страниц, предложение написать книгу и контракт на рукопись, которая стала этой книгой. Моя студентка, мисс Сара Шахан, которая училась у меня как в бакалавриате, так и в магистратуре, была моим добросовестным и компетентным научным ассистентом на этом пути. Миссис Ребекка Руссо помогла мне с первоначальной заявкой на книгу, а также своими комментариями к Части II. Доктор Марша Фаулер и наши коллеги из её исследовательской группы оказывали мне еженедельную поддержку осенью 2019 года. Мой дорогой муж, с которым я прожила пятьдесят три года, почётный профессор Дэвид Э. Ламберт, ежедневно помогал мне своей любящей поддержкой, отличными идеями и потрясающими исследовательскими навыками. Да благословит Бог каждого из вас!

Введение

Цель этой небольшой книги — показать, что Иисус как автор, творец художественного слова находился под значительным влиянием Книги Притчей Еврейской Библии. Во-первых, в книге «От Книги Притчей к притчам Евангелий. Творческая мудрость Иисуса» высказывается предположение, что Иисус создал некоторые из своих коротких притч, основываясь на конкретных стихах из Книги Притчей. Во-вторых, в ней говорится о том, что Иисус при создании своих притч развил некоторые базовые представления Книги Притчей, связанные с темой Мудрости. В-третьих, в настоящей книге показано, как Иисус отрицательно реагировал на широко распространённую точку зрения, согласно которой общий принцип мудрости, заключённый в Книге Притчей, сводится к тому, что мудрые вознаграждаются, а глупцы наказываются Богом через их собственные разрушительные выборы и последующие поступки.

Книга Притчей адресована мужчинам, а Евангелия показывают, что Иисус расширил аудиторию, к которой адресована его мудрость, включив в неё женщин, которые, вероятно, были неграмотными в его эпоху; женщины также стали некоторыми из ключевых персонажей в его притчах — достойными восхищения фигурами, в отличие от соблазнительниц-прелюбодеек из Книги Притчей. Более того, женщины любили слушать его учение, что подтверждается историей о Марии, сестре Лазаря, которая пренебрегла помощью своей сестре Марфе в приготовлении пищи для Иисуса, за что Мария получила от него похвалу (Лк. 10:42). Таким образом, притчи Иисуса представляют собой расширение традиционного понимания мудрости, разделяемого современной ему аудиторией, как евреями, так и язычниками.

Таким образом, книга «От Книги Притчей к притчам Евангелий. Творческая мудрость Иисуса» важна для читателей по двум причинам: (1) в ней говорится об Иисусе как авторе, создающем свои собственные художественные произведения, — роль, которая не часто ассоциируется с его именем, и (2) в ней предлагается более глубокий взгляд на упрощённые представления о библейской мудрости. В Части I показано, как Иисус мог создавать свои рассказы на основе конкретных изречений Книги Притчей. В ней говорится о «притче» как прозаическом рассказе с насыщенным действием сюжетом, а не сводящемся только к символу, метафоре, сравнению или аллегории. Поэтому выбор евангельских отрывков, отнесённых к притчам в данной книге, может отличаться от представленного в других исследованиях учения Иисуса. Общая тема всех этих притч — мудрость: Иисус как мудрость (1 Кор. 1:24), изрекающий учение мудрости так, как до него никто не делал. Основное внимание уделено притчам, приведённым в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки, без учёта *Евангелия от Фомы* и других неканонических источников.

В Части II говорится об Иисусе как самоактуализированном авторе, который воплощал своё художественное творчество в словах, приемлемым для еврейской культуры способом, поскольку создавать материальные объекты, которые могли бы стать идолами, было запрещено. Его ремесло плотника могло подтолкнуть его к искушению: вырезать или построить эстетически привлекательные объекты, вызывающие излишнее восхищение. В этой части книги рассматриваются следующие вопросы: что сформировало художественный талант Иисуса, каким образом он мог получить образование, почему он мог выбрать творческое развитие отдельных изречений Книги Притчей для создания своих нравоучительных историй и как преподаваемая им мудрость углубляла и расширяла традиционное представление о мудрости, включая и проясняя привнесённое им понятие о «Царстве Божьем». Надеемся, что результат этого исследования представит Иисуса как личность ещё более многогранную, чем он воспринимался в христианской традиции, и раскроет понимание мудрости, выходящее за рамки Книги Притчей и традиционных интерпретаций, основанных на ней.

Например, одна из богословских концепций, которую можно извлечь из мудрости притч Иисуса, — это крайняя щедрость Бога, которая часто превосходит достижение совершенной справедливости; она явлена в Притчах о блудном сыне (Лк. 15:11–32), щедром владельце виноградника (Мф. 20:1–16) и предусмотрительном управляющем (Лк. 16:1–13), о чём подробнее будет сказано в Части I. Другая концепция заключается в том, что «Царство Небесное» — это медленный, тихий и мощный процесс жизненного роста, примером которого являются семена, растущие незаметно, но в конце концов пробивающиеся из-под земли, цветущие и приносящие плод, как об этом говорится в Притче о сеятеле (Лк. 8:5–8), Притче о другом сеятеле (Мф. 13:3–9), Притче о пшенице и плевелах (Мф. 13:24–30), Притче о горчичном зерне (Мф. 13:31–32) и Притче о тайном росте семени (Мк. 4:26–29). Подобно авторам Книги Притчей, Иисус сосредоточен на глубинных изменениях личности своих слушателей и читателей, а не на поверхностном исполнении Закона — подход, который будет более подробно проанализирован в Части II. Люди, как и семена, загадочным образом становятся тем, кем они по своей природе были предназначены стать, — надо надеяться, постепенно приближаясь к образу Божьему, который они носят в себе. Такой рост личности возможен даже среди тех, кто не был физически исцелён Иисусом (примером является Иов, сохранивший свою целостность, несмотря на все страдания), а также среди «изобилия плевел» (например, сам Иисус продолжал действовать среди своих противников — книжников и фарисеев, среди тех, кто был лишён стойкой целостности Иова, и даже имел дело со своими двумя учениками, предавшими его, Иудой и Петром). Понимание ситуации, в которой действовал Иисус, а также преподаваемого им понимания мудрости, должно изменить к лучшему слушателей и читателей его притч.

Термин «предпасхальный Иисус», который использует богослов Сандра Шнайдерс в своей книге «The Revelatory Text: Interpreting the New Testament as Sacred Scripture», будет здесь центральным, поскольку Иисус был автором притч, творцом художественного слова в своей земной жизни, и поскольку Евангелия

дают понять, что он не рассказывал притч во время своих явлений ученикам после воскресения. Для нас будут важнее те отдельные изречения Книги Притчей Еврейской Библии, которые, по-видимому, связаны с притчами Иисуса, с литературными текстами, как они записаны в Евангелиях, чем рассуждения об их авторстве и размышления об их источниках. Многие библеисты считают, что притчи, в сущности, принадлежат к числу самых достоверных изречений Иисуса. Крейг Л. Бломберг отмечает: «...притчи... уже содержат ядро материала, признанного аутентичным почти всеми школами интерпретации, и аргументы о ненадёжности традиции в других местах обычно к ним не применимы» [Blomberg 2012: 128]. Он продолжает: «Не возникло никаких аргументов, которые бы убедительно оспаривали аутентичность притч; исследователи, использующие некоторые новые методы, довольно мало интересуются историческими вопросами» [Blomberg 2012: 189] — и уточняет: «Притчи, находящиеся в Синоптических евангелиях, можно принять за аутентичные высказывания Иисуса, если считать аутентичностью *ipsissima vox Jesu*, а не только *ipsissima verba Jesu*» [Blomberg 2012: 193]. Таким образом, сами тексты представляют собой важные литературные артефакты, готовые для отклика слушателей и читателей. Для получения свежего и детального обзора взглядов библейских учёных на притчи Иисуса и их интерпретацию можно обратиться ко второму изданию книги Бломберга «Interpreting the Parables».

Я выбрала Книгу Притчей в качестве ключевой книги, представляющей литературу Премудрости, из-за её древности. Например, Карел ван дер Торн отмечает, что жанр, в котором написаны книги Екклесиаста и Иисуса, сына Сирахова, восходят к Книге Притчей [Van der Toorn 2007: 25]. Однако исследование Писания показывает, что многие идеи из Книги Притчей также встречаются в других книгах литературы Премудрости, или *Ктувим* (Писаний), особенно в Книге Псалмов и Книге Иова. Отдельные ссылки на эти тексты также будут использованы в данной работе. Майкл В. Фокс в своей книге «The Anchor Yale Bible Proverbs 1–9» признаёт, что Книга Притчей, созданная «бесчисленными поколениями неизвестных мудрецов» [Fox 2010: 3], предлагает не только руко-

водство по жизни — «предписания, нормы и ориентиры для достижения благополучия, порядочности и достоинства» — [Ibid.: 3], но также «новый принцип: мудрость» [Ibid.]. Он также признаёт, что Иисус, сын Сирахов, основной автор книги Сираха, «черпал своё вдохновение в Книге Притчей, заимствуя использованные в ней литературные формы, отдельные выражения и идеи, цитируя её и адаптируя её материал. Зачастую он оказывается первым интерпретатором Книги Притчей» [Ibid.: 25].

Иисус, сын Сирахов, работал с Книгой Притчей около 180 года до н. э. [Fox 2010: 24]; следовательно, его творческое использование этих текстов могло повлиять на Иисуса, который во время своего служения, рассказывая свои притчи, также адаптировал и расширял изречения Книги Притчей. Моя гипотеза, представленная в книге «От Книги Притчей к притчам Евангелий. Творческая мудрость Иисуса», состоит в том, что Иисус использовал этот «новый принцип» «мудрости», одновременно расширяя его значение. В представлении Иисуса, «достижение благополучия, порядочности и достоинства» включает признание и верность «Царству Божьему» и вечной жизни, как будет показано ниже. Он расширяет понятие «мудрости», говоря пророчески об этом «Царстве Божьем», используя традиционное средство обучения — раввинистические притчи — творчески. Дэвид Баттрик отмечает:

Я предполагаю, что Иисус использовал хорошо известную в еврейской традиции мудрости форму — притчу, но применил её пророчески. Быть пророком в Израиле означало говорить от имени Бога, обличая моральный упадок и склонность к идолопоклонству, характерную для народной религии. Эти инвективы основаны на призыве Израиля к святости — как одной из сторон завета со Святым Богом. Пророчество также направлено к «Сиону», осуществлению всех обетований, данных Богом [Buttrick 2000: 20].

«Царство Божие» Иисуса — это новый подход к «Сиону». В. Ф. Олбрайт и К. С. Манн, авторы «The Anchor Yale Bible Matthew», утверждают, что «сам Иисус, как и большинство раввинов

раннего времени, опирался на силу устной традиции, особенно в своих притчах» [Albright, Mann 2011: xxxviii–xxxix].

Фокс и другие комментаторы отмечают, что Книга Притчей

явно является светским произведением. В ней нигде не говорится, что она была записана в результате божественного откровения или что является богодухновенной. В ней нет слов, сказанных непосредственно Богом, и в ней нет обращений к Богу. Она никогда не играла роли в ритуальной жизни Израиля — ни в храме, ни в синагоге. Фактически она никогда не была и до сих пор не является объектом формального обучения в академиях раввинов [Fox 2010: 7].

Таким образом, это «светское произведение» оставляет место для духовной интерпретации Иисусом, который рассказывал свои притчи устно. Он мог это делать, не оскорбляя тех, кто почитал богодухновенность Закона и Пророков; он мог создавать свою интерпретацию, основываясь на мудрости, уже знакомой его слушателям, но при этом не оскорбляя их религиозных чувств новым прочтением книги, которая не стала частью ритуала их богослужения. Кроме того, он мог воспользоваться тем, что эта книга не была «объектом формального обучения в академиях раввинов». Иными словами, Иисус мог заполнить духовный вакуум своей новой мудростью и видением «Царства Божьего».

Здравый смысл и человеческий разум теперь должны быть наполнены Божьей благодатью и видением его «Царства». Фокс признаёт, что изречения Книги Притчей «по своей природе весьма изменчивы. Притчи-изречения претерпевают постоянные изменения при устной и письменной передаче, и некоторые из этих изменений являются *нововведениями* [sic], а не просто ошибками» [Ibid.: 5]. Иисус, возможно, воспользовался этой изменчивостью, чтобы переработать некоторые из притч-изречений в своих притчах. Фокс отмечает, что Книга Притчей была завершена «задолго до Иисуса, сына Сирахова, <...> писавшего в начале II века до н. э., так как он находился под сильным влиянием Книги Притчей» [Ibid.: 6]. Таким образом, во время своей земной жизни Иисус имел доступ к изречениям, собранным в этой

книге. Вопрос о том, как он получил образование и как изречения Книги Притчей использовались для разучивания при обучении мальчиков, будет рассмотрен в Части II.

Моя гипотеза, которая заключается в том, что Иисус, составляя свои притчи, художественно переосмыслил некоторые притчи-изречения из Еврейской Библии, чтобы пророчески расширить понимание традиционной мудрости его слушателями (а позднее — читателями), отличается от предлагаемой другими исследователями интерпретации цели, которую преследовали его притчи. Например, Олбрайт и Манн рассматривают их преимущественно как «литературную форму, возникшую из казуального права» [Albright, Mann 2011: cxxxix], которая демонстрирует, как Закон должен применяться в реальной жизни. Они утверждают: «наша главная идея заключается в том, что притча была литературным приёмом, возникшим в ходе интерпретации закона, данного при заключении Завета» [Ibid.: cxlv]. Дж. Маркус, автор «The Anchor Yale Bible Mark 1–8», считает притчи Иисуса «оружием войны»: «Он [Иисус] сражается в “притчах” <...> эти притчи являются не вечными максимами, а оружием войны, и эта модель будет характеризовать всю последующую речь Иисуса, ведущуюся в притчах» [Marcus 2010: 281]. Своей таинственностью и многозначностью притчи защищали Иисуса от нападков врагов. Раввин Фрэнк Штерн соглашается, что они были мощными средствами «самозащиты» [Stern 2006: 259]. Возможно, мой анализ не противоречит выводам этих учёных, так как притчи Иисуса могли служить множеству целей. Моя цель — подчеркнуть художественную силу и новаторство Иисуса в формировании обновлённого взгляда на традиционную мудрость.

Следуя постмодернистской конвенции, предписывающей автору «локализовать» себя для читателя, я должна указать, что получила светское академическое образование и придерживаюсь твёрдой христианской веры в божественность Христа. Я училась у многих выдающихся учёных, включая Роберта Альтера, на факультете сравнительной литературы Калифорнийского университета в Беркли, где я была аспиранткой с 1979 по 1986 год, а также у Эли Визеля и Петера Л. Бергера в Бостонском универ-

ситете, где преподавала с 1995 по 1998 год. Я была «рождённой свыше» пятидесятницей, которая затем стала пресвитерианкой, а в 1986 году перешла в Римско-католическую церковь. Этот богатый жизненный опыт — как интеллектуальный, так и духовный — делает меня несколько нетипичным библеистом, одновременно предоставляя мне возможность изучать Священное Писание с художественной и этической точек зрения, что и является моей целью при написании этой книги.

Хотя я читаю на английском, французском, немецком, испанском, итальянском и латыни, я не изучала еврейский и греческий языки, что является необходимым для серьёзных библейских исследований. Обладая докторской степенью по сравнительному литературоведению, а не по библеистике или теологии, я рискую писать отчасти за пределами своей научной области. Тем не менее мои литературоведческие навыки могут способствовать более полному пониманию Иисуса как литературного автора и его художественных устных произведений — притч. В представленном здесь тексте я буду опираться главным образом на два перевода Библии: «New King James Version» для первой части, так как он подчёркивает художественную составляющую слов Иисуса, и «New Revised Standard Version» для второй части, поскольку он является более дословным и традиционным переводом¹. Также я буду широко использовать «Yale Anchor Commentaries» на Книгу Притчей и Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, а также новый перевод Еврейской Библии, выполненный Робертом Альтером, и многие другие источники: работы богословов, различных библеистов, психологов, социологов, литературоведов и даже авторов современных притч, таких как Франц Кафка и Андре Трокме.

¹ При переводе использовался русский текст Библии, подготовленный Институтом перевода Библии при Заокской духовной академии [Библия 2015]. В отдельных случаях, чтобы сделать текст ближе к англ. переводу, использованному автором, использовался Синодальный вариант. — *Прим. пер.*

Часть I

.....

ОТ КНИГИ ПРИТЧЕЙ К ПРИТЧАМ ИИСУСА

.....

«...постигать мудрость, внимать наставлениям и понимать
глубокомысленные изречения» (Притч. 1:2)

Глава первая

Значение Мудрости

Как слово, так и Слово очень важны для евреев и для христиан. Бог сообщает людям о том, кто он такой и чего он ожидает от людей, посредством слов, которые должны быть услышаны либо прочитаны. Бог также является Творцом, и поэтому было бы разумно предположить, что при помощи слов он будет творить не только мир, как об этом говорится в первой и второй главах книги Бытия, но и новые сочетания слов, образующие разнообразие литературных жанров. Вполне возможно, что Иисус, которого некоторые евреи считали мудрецом и пророком [Stern 2006: 85–86], а христиане считали Сыном Божиим, Вторым Лицом Троицы, переработал отдельные изречения мудрецов — которые он должен был внимательно изучать, поскольку они являются частью еврейской литературы Премудрости, — в притчи, обладающие способностью глубоко трогать сердца и умы тех, кто слышал, как он рассказывал эти истории.

В большей степени, чем отвлечённые и краткие изречения мудрецов, подобные тем, что можно найти в Книге Притчей, или прямые и понятные заповеди, подобные тем, что провозглашены в 20-й главе книги Исхода, притчи способны лишать равновесия слушателя или читателя, для того чтобы открылась возможность для внутренних изменений; можно надеяться, что это приведёт к тому, что человек будет принимать решения действовать по-новому, лучше, чем раньше. Богослов С. Макфэг замечает: «В каждой притче подразумевается вопрос: “Что вы теперь скажете? Что вы теперь будете делать?”» [McFague 1975: 75]. Сила жанра притчи будет рассмотрена ниже более подробно, но, по сути, эта

форма существования слова способна глубоко тронуть слушателей или читателей, потому что «это “определённый шок для воображения” — увидеть знакомое с новой стороны» [Ibid.: 77]. Следствием веры в Бога должны быть искренние, справедливые и полные сострадания поступки — поскольку вера без дел или нравственного поведения ничего не стоит, — и Иисус стремился сообщить своим последователям, какими могут и должны быть праведные последствия веры.

Социолог П. Л. Бергер, кажется, подтверждает теорию Макфэга «шоке для воображения», когда обсуждает важность взаимопроникновения духовной и гуманистической реальности: «Основной опыт во всех религиях человечества... это... взаимопроникновение иной реальности, вторгающейся или посягающей на реальность обычной человеческой жизни» [Berger 1980: 108]. Рассказы Иисуса, действие которых происходит в «обычной человеческой жизни», неожиданно требуют от слушателя, или впоследствии читателя, дать утвердительный ответ «Царству Божию», стучащему в его или её дверь. Бергер далее отмечает, что то, что он и Рудольф Бультман называют «мифологическим мировоззрением», «пронизывает каждую часть Нового Завета» [Ibid.: 95]. Другими словами, Иисус и его последователи предлагают читателям притчу признать «космологию, в которой мир человеческой жизни... содержит как естественное, так и сверхъестественное» [Ibid.: 94].

Этические последствия, на которые указывают притчи Иисуса, переосмысливают общепринятое определение мудрого мужчины или мудрой женщины. Он или она становятся обитателями «Царства Божьего», живя в условиях пересечения «естественного и сверхъестественного» и ежедневно делая выбор следовать глубоким этическим интуициям, которые подсказываются притчами Иисуса. Притчи, которым придана художественная форма, способны глубоко тронуть слушателей, эмоционально, интеллектуально и духовно побуждая их переосмыслить свои взгляды на мир и постичь божественное в новых формах. Эта сила, во многом подобная той, которую можно найти в великих романах прошлых эпох, всё ещё может тронуть читателей и слу-

шателей там, где они оказываются в более поздние эпохи; притчи обладают изменчивостью, которая позволяет мудрости обращаться ко всем поколениям.

В еврейской Библии приобретение мудрости, по-видимому, представляется насущной необходимостью. Используя хиазм, традиционный литературный приём, автор Книги Притчей призывает: «Приобретай мудрость, разумение приобретай, слов моих не забывай, не отступай от них. / Не отвергай мудрости — и она будет оберегать тебя, люби ее — и она защитит тебя. / Мудрость приобретай — вот где ее начало. Но превыше всего стремись обрести разумение» (Притч. 4:5–7). «Мудрость» и «разумение», связанные с фигурой женщины, одновременно обрамляют и включают в себе важную идею «слов», которые передаёт мудрость. Слова являются мостом к мудрости и несколько мистически обладают силой мудрости «сохранять» и «беречь» того, кто им внимает.

Многие из слушателей Иисуса считали, что уже обладают мудростью. Этические послания, содержащиеся в его притчах, вероятно, были призваны поколебать эту уверенность. Основанием для такого подхода служат другие слова из Книги Притчей: «Не обличай человека бесстыдного, иначе он тебя возненавидит, обличай мудрого, и он возлюбит тебя. / Дай *наставление* мудрому — он станет еще мудрее, учи праведного — он приумножит знание» (Притч. 9:8–9). По-настоящему мудрые люди, очевидно, всегда открыты новой мудрости; те же, кто неуклонно придерживаются собственной «мудрости», будут с гневом насмехаться над тем, кто рассказывает им притчи. К сожалению, этот гнев потенциально может вести к ненависти. Притчи Иисуса предназначены для поистине мудрых людей, которые, подобно его ученикам, нередко не понимавшим значения его слов, по крайней мере *хотят* понять заключённую в его словах мудрость и которые, когда чего-то не понимают, обращаются к нему за разъяснением его притч, чтобы «стать разумнее». Им не нужно принадлежать к интеллектуальной элите своего времени — как ни один из апостолов Иисуса во время его земной жизни не принадлежал к ней (Деян. 4:13) (не считая апостола Павла, который был высо-

кообразованным человеком, однако был призван уже после смерти и воскресения Иисуса), — но им необходимо жаждать мудрости. Ясно, что и сам Иисус следовал этой «образовательной траектории»: «Иисус же, подрастая, преуспевал в мудрости и любви у Бога и людей» (Лк. 2:52).

Также очевидно, что Иисус был грамотным: он умел читать и писать и знал, где найти важные места из Писания. Люди, собиравшиеся в синагогу в Назарете, где он вырос, ожидали от него, что он будет читать вслух Писание:

Иисус пришел в Назарет, где вырос, и в субботний день, как обычно, пришел в синагогу. Он встал, чтобы читать Писание. Ему подали свиток пророка Исайи. Развернув свиток, Иисус нашел место, где было написано: «На Мне — Дух Господа Он помазал Меня. Он послал Меня бедным возвестить Радостную Весть, пленным объявить о свободе, слепым о прозрении. Он послал Меня освободить угнетенных, возвестить, что настало время милости Господней». Свернув свиток, Иисус отдал его служителю и сел (Лк. 4:16b–20a).

Также они были поражены его эрудицией: «Все одобрительно отзывались о Нем и удивлялись благодатным словам, исходившим из Его уст. “Разве Он не сын Иосифа?” — спрашивали они» (Лк. 4:22). Однако его авторитетность пугает и злит их, поскольку он осмеливается сказать им: «Услышанные вами сегодня слова Писания исполнились здесь» (Лк. 4:21). Вскоре они «пришли в ярость» (Лк. 4:28b) и попытались сбросить его с обрыва горы, возле которой был построен их город (Лк. 4:29). Эти слушатели явно не хотели возрастать в мудрости, по крайней мере, в такой мудрости, которую мог им предложить Иисус.

Он также с лёгкостью ссылается на события, описанные в Священном Писании, когда обсуждает с фарисеями вопрос о том, позволительно ли срывать колосья пшеницы в субботу, чтобы съесть зерна: «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда он и все те, кто [был] с ним, проголодались? Он вошел в Дом Божий и, взяв священный хлеб, что кладут пред Богом, ел сам и дал своим спутникам, хотя никому нельзя было есть этот хлеб, кроме

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru